

НОВЫЕ КНИГИ ПО СОЦИАЛЬНЫМ НАУКАМ

А.В. Щербина

КЕНТАВР ИЛИ К ВОПРОСУ О БИНАРНОСТИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ*

Автор рецензируемого сочинения очерчивает пределы своей профессиональной компетенции достаточно четко, определяя себя в качестве специалиста по истории инженерной деятельности и «переносу знания» (с. 8). Переносимое инокультурное знание не механически перенимается, а осваивается. Автор анализирует несколько фактов, эпизодов такого освоения в истории России. Первый — решение Иваном III ряда строительных, фортификационных и военно-технических проблем с помощью специально приглашенных для этого иностранных мастеров — итальянских архитекторов и инженеров. Перенос знания осуществлен здесь путем «переноса» самих знающих вместе с неотчуждаемыми от них знаниями и техническими приложениями последних. Автор подчеркивает масштабность данного переноса: он обнаруживает его в сфере живописи, в сфере религиозных идей, исторического знания, филологии, философии, математики, астрономии, литературы, права.

Освоение знания — процесс избирательный, опосредованный позицией элиты воспринимающей стороны. Тогда, в XVI в., процесс переноса был прерван. Сравнение этого провала с последующим крупным успехом позволяет автору сформулировать задачу исследования: проанализировать избирательность освоения знания и причины его отторжения культурной системой, перерыва в его трансляции.

Второй эпизод — эпоха петровских преобразований, демонстрирующая гораздо более успешное по объему и глубине освоение знания.

В обоих случаях интерес автора привлекает присваивающая сторона. Субъект трансляции знания только номинально присутствует. Несколько отправитель знания был заинтересован в его трансляции, на-

* Д.Ю. Гузевич. Кентавр или к вопросу о бинарности русской культуры. М.: АИРО, 2000. 160 с.

сколько устойчивы были его предпочтения, прерывалась ли эта трансляция только по причине отсутствия возможностей присвоения, или же можно утверждать, что отправитель также был избирателен, наконец, не был ли перенос знаний непреднамеренным эффектом совсем других процессов и всякое ли знание можно перенести — вопросы множатся с легкостью. Во всяком случае, возникающий по умолчанию образ непрерывно льющегося потока знаний, пресекаемого только принимающей стороной, в ряде случаев делает позицию автора уязвимой. К основному выводу автора о том, что воспринималось знание в двух рассмотренных случаях двумя разными культурными системами, приходится добавить то, что и отправлялось оно из разных источников и с различной степенью заинтересованности.

Сравнение этих двух эпизодов российской истории позволяет автору сформулировать главное: тезис о несовпадении и, в большинстве случаев, о взаимно исключающем отношении русского и российского (интересов, ментальноеTM, политики). Московская Русь Ивана III представляет собой этнически однородное великорусское государство. В петровскую же эпоху оформляется империя со свойственной ей полиэтничностью и специфическим имперским интересом — государство Российское. Молодая имперская культура изначально ориентирована на модернизацию, европеизацию страны и неизбежно вступает в борьбу с породившей ее «этнокультурой средневекового уровня развития».

При этом для автора принципиально важна констатация, что эти борющиеся культурные системы носят разноуровневый характер, и что со временем этническая воспринимает многое из того, что было наработано в рамках имперской (с. 29).

Новая культурная система продемонстрировала новые механизмы освоения знания и для его поиска, отбора и переноса создала целую коммуникационную сеть.

Итак, автор формулирует главный тезис: то, что принимается за единое целое, в действительности представляет собой две относительно независимые, хотя и тесно связанные между собой — и генетически, и функционально — культурные системы: русскую и российскую (с. 34). Первая — «национальная православная культура (велико)русского этноса»; вторая — «(мега) культура формирующейся Российской империи, — полиэтничная и, в значительной степени, поликонфессиональная». Автор полагает, что сделал открытие, дающее ключ к разгадке «непознаваемости» России, «бинарности русской культуры». Отныне плодотворным средством анализа проблем российской истории является не смешение, объединение или замещение, а тщательное разделение двух единиц. Важнейшее различие двух культур состоит в «векторе действия»: у российской он направлен вовне, в первую очередь, в Европу. Что же касается великорусской культуры, то у нее иное направление, — внутрь себя, как и у большинства других этнокультур.

К формулировке главного тезиса вполне допустимо предъявление требования методологической и терминологической четкости. К сожалению, в данном случае терминология автора не ясна: автором в качестве

однопорядковых рассматриваются определения «национальная православная культура» и «великорусская этнокультура», что не может не вызывать возражений. При всей дискуссионности и запутанности вопросов о различении исторических форм общности людей и обременении этих вопросов соответствующими политико-идеологическими экспликациями, необходимо признать нетождественность и «разноуровневость» (излюбленный прием автора) нации и этноса, национальной культуры и этнокультуры, как возникающих на разных основаниях и связанных с различными формами производства, типами социальной структуры и социального управления.

Словосочетание «русский этнос» звучит странно, поскольку русский народ сам полиэтничен (это касается подавляющего большинства народов). Наконец, полное недоумение вызывает отнесение православного элемента к этнокультуре. Ведь вообще-то очевидно и общепризнанно, что именно принятие христианства позволило русскому народу выйти за узкие этно-политические рамки и поставило его в число европейских народов и, если воспользоваться терминологией автора, явилось исторически первичным и очень убедительным примером переноса и успешного освоения знания. Нужно либо предположить, что русская культурная система и тогда, и впоследствии, расширяясь на восток, была ориентирована и на запад, и возникновение империи, Российского государства было все же и самоопределением, и делом русского народа, который и проявил себя в нем **державным народом**, а российская культура была не только европоориентированной, или исключаяще этноориентированной, но и национальноориентированной. Либо придется отнести разделение сущностей к эпохе Киевской Руси, что невероятно, а относительно российской культуры допустить, что она сама явилась результатом переноса.

Вооружившись схематизмом двух культур, автор предлагает свое видение и прогнозируемую интерпретацию ряда излюбленных тем российской истории: извечное противостояние двух столиц — Москвы и Петербурга — русской и российской (как здесь не вспомнить Г. Федотова, его «Три столицы» и анализ Петербурга, который оказывается не только самым европейским, но и самым православным русским городом). Чужеродность Петербургской Академии наук русской культуре компенсируется ее принадлежностью к российской культуре, что и объясняет выживание и успешное развитие Академии. Таким же отношением к разным уровням автор разрешает вечный спор славянофилов и западников, которые лишь некритически выражали «русское» и «российское».

И, наконец, проблема взаимодействия и взаимопроникновения еврейской культуры и (мега)культуры Российской империи, которую автор предполагает сделать сюжетом отдельной работы, а здесь лишь обозначает подходы к ее анализу: многотрудная судьба российского еврейства, вошедшего в кровь и плоть российской культуры, объясняется узкоэтнической позицией титульной нации и периодическим прорывом ее стереотипов на имперский уровень.

Изложив концепцию и результаты ее применения, автор высказывает ряд соображений относительно механизмов освоения и отторжения знания. Определенность освоения знания: его глубина, масштаб, скорость, степень изменения определяется рядом факторов. Таковы приводимые автором факторы подмастерьев, созвучия, функциональности, подобия, монаршей воли, законодательный, личностный, сакральный, природный, свободного пространства, моды. Наконец, автор касается и механизмов отторжения знания, полагая анализ их более простым делом. «Во-первых, это — традиция и все, что на нее опирается» (с.60). Но ведь именно традиция порождает «факторы» узнавания, привыкания, подмастерьев, созвучия, подобия, монаршей воли, сакральный. Очевидно, существует внутренняя связь механизмов освоения и отторжения знания, которая и выражает достаточно хорошо описанный современной гуманитарной наукой **единый** внутренне противоречивый процесс **культурного обособления и культурной ассимиляции** (Поршнев Б.Ф. Социальная психология и история. М., 1979. С. 96—99). Это именно единый процесс, совершающийся в рамках одной культуры. Предположение, согласно которому одна культурная система осваивает, а другая отторгает, вряд ли окажется плодотворным в качестве методологической исследовательской установки.

При всем кажущемся новаторстве тезиса автора о наличии «двух культур», он удивительно созвучен аналогичному тезису, хорошо известному каждому, получившему образование в советской школе: ленинскому суждению о наличии двух культур, социалистической и буржуазной. Можно обнаружить и типологическое сходство: в обоих случаях одна культура принадлежит прошлому, есть нечто только особенное, тогда как другая олицетворяет будущее, универсальное и интернациональное. Замена классового основания на этническое ничего принципиально не меняет. Единство культуры всегда представляет собой баланс сталкивающихся групповых ориентации, поведенческих образцов, потребностей, картин мира, интересов, в т.ч. классовых, этнических, а также профессиональных, конфессиональных и т.д. Каждая группа, вне пределов общенациональной опасности, обособляется и предъявляет себя эгоистически, формирует особую культуру.

В своем остроумном и совершенно либеральном «вместо заключения» автор призывает к толерантности (терпимости) в постсоветском обществе, справедливо полагая в этом залог его жизнеспособности и предостерегает от разрушительных последствий прихода к власти этноориентированных политиков.

Напомним контекст: различие автором двух культур в историческом бытии России проведено в связи с анализом процессов переноса и освоения знания, транслируемого из Европы. Имперская, европоориентированная культурная система осваивает знание успешно, тогда как этноориентированная система его отторгает.

Любопытно в этом контексте спрогнозировать авторскую оценку советского периода российской истории. Бесспорным фактом является то, что советская система при всем ее идеологическом изоляционизме про-

демонстрировала ошеломляющие успехи в деле освоения инокультурного знания в сфере экономики, науки, техники, социальных технологий. Культурные тенденции, характерные для судьбы европейской цивилизации — модернизация, рационализация, бюрократизация (М. Вебер) — благодаря индустриализации и «культурной революции» стали определять и судьбу России. При этом советская власть никогда не была этнически ориентированной, почти всегда была антирусской, а по ряду цивилизационнообразующих параметров — установка на модернизацию, упование на науку — несомненно, западноориентированной (что нашло выражение в концепции «единого индустриального общества»). Получается, что советская система оказывается максимально приближенным к идеально-типическому образцом российской (мега)культуры.

В задачу рецензии не входит полемика. Поэтому ограничимся рефлексией. Российская культурная система, бесспорно, существует и не совпадает с русской культурной системой, но российское культурно-политическое бытие имеет и черты сообщества исторической судьбы, а потому не может быть абстрактно противопоставлено культурной ориентации русского народа. Напряжение между гражданством и национальной идентичностью, то латентное, то властно предъявленное, существенно для всей эпохи модерна: и для империи, объединяющей множество народов, и для федерации, снимающей этнические напряжения мультикультурного гражданского союза, и для европейских «национальных государств», в том числе и для культурно и этнически однородных. Сегодня оно по-новому обострилось (Хабермас Ю. Гражданство и национальная идентичность // Хабермас Ю. Демократия, разум, нравственность. М., 1995). Актуально оно и для России с ее насущной необходимостью социализации всех граждан в рамках общей политической культуры. Полагаем, что своеобразие последней существенно укоренено в национальной идентичности русского народа.

Верно, «русское» не равно «русскому». Но обратное — не верно. «Русское» с необходимостью самоопределяется в качестве «русского». Так что «кентавр» остается. Остается и возможность изучать его, в том числе и в аспекте намеченной автором очень интересной темы переноса и освоения знания: например, изучать то, как адаптация институциональных норм науки к ценностям и моделям дискурса русского общества способствует формированию весьма специфических политического сознания и практики, структур лидерства, позиций элит и пр.

Современная гуманитарная наука: социология, политология, антропология дает многообразные средства для **научного** изучения «кентавра». Благо, он — не химера.